

Коськов С.Н.,
доктор философских наук, профессор,
кафедра логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Козволюция философии, математики, естествознания. Эпистемологический экскурс (Часть 1)

Данная работа посвящена анализу одной из проблем современной философии — конвергенции сциентистской и антисциентистской философии.

Ключевые слова: мировоззренческая программа, методологическая программа, классическая эпистемология, неклассическая эпистемология, субъект познания, природа знания, модель познания.

Koskov Strgey
Doctor of Philosophy, the professor,
Faculty of logic, philosophy and methodology of a science,
Orel State University named after I.S. Turgenev

Coevolution philosophy, mathematics, science. Methodology studios (Part 1)

This work is devoted to one of the problems of contemporary (modern) philosophy.

Keywords: ideological program, methodological program, classical epistemology, non-classical epistemology, the subject of knowledge, the nature of knowledge, the model of cognition.

Этот процесс коэволюции философии, математики и естествознания шел и продолжает идти непропорционально. В большей степени идет движение от сциентистской философии в сторону антисциентистской, а не от антисциентистской философии в сторону сциентистской. Более конкретно эта специфика современной философии проявляется в превращении методологических программ философских направлений в мировоззренческие.

Эта эволюция обязана и изменением социально-культурного контекста эпохи и внутренней логики историко-философского процесса, научного знания, полиарности познавательных моделей и изменением ценностно-мировоззренческих установок научного познания.

Обращаясь к данной проблеме, хотелось бы выделить, прежде всего, неокантианство как методологическое направление, которое наиболее ярко раскрывает конструирующую активную роль теоретического разума, свойственную современному математизированному естествознанию.

Это наиболее характерно для современной математической физики, математики, логики, теоретической кибернетики и информатики.

Неокантианство зародилось отнюдь не только посредством специфического прочтения работ Канта естествоиспытателями. Не стоит преувеличивать роль великих идей прошлого. Философия и естествознание живут со своим прошлым и нуждаются для своего теперешнего существования в прошлом. Поэтому нельзя, наверное, утверждать, что вектор активности направлен из прошлого в будущее. Нельзя, наверное, утверждать, что Кант своими идеями или мы своими идеями определяем направленность мышлений будущих поколений.

Скорее всего, наоборот, сложившееся мышление настоящего обращается к прошлому и за подтверждением своей правоты и интерпретирует прошлое в том духе, в котором оно работает сейчас. Современное мышление порождает собственные концепции, пытается увидеть родственников этих концепций в далеком прошлом. Неокантианские идеи, вернее, кантианские идеи у современных философов и естествоиспытателей в большей степени рождены теперешними проблемами и имеют свои собственные гносеологические основания и проблемы. Эти гносеологические основания и проблемы имеют нечто общее с гносеологической проблематикой, к примеру, того же Канта. Поэтому и существует эта интерференция между кантианским и современными научными проблемами [1].

Если говорить о германских философах конца XIX - начала XX в. сциентистского направления, то можно сказать, что эти философы в своих работах пытались согласовать идеи Канта с данными современного им естествознания, соответствующим образом эти данные интерпретируя. Такая переработка кантианства и соответствующих данных современного естествознания — вот это и есть, по сути дела, неокантианство. Это переработка идеи Канта и определенная интерпретация идей современной им науки. Это направление оформилось в конце XIX века во влиятельное философское методологическое направление, которое получило название неокантианства.

Необходимо сразу подчеркнуть, что позитивизм во всех своих формах и неокантианство — это противоположные направления в рамках сциентистской философии, как две стороны одной медали. Можно сказать, что неокантианство имеет в позитивизме свое второе "Я", свой негатив.

В чем это заключается? Позитивисты, включая махизм, ставили своей задачей вычленив в содержании науки первичный материал, который не был бы отягощен, замутнен продуктами теоретической мысли. Отсюда проблема сведения, редукции теоретических положений к эмпирическим, к чувственным данным, к фактам наблюдения и т.д. Такого рода проблема, конечно же, не могла возникнуть в созерцательной эмпирической теоретико-познавательной доктрине или, скажем, в рамках традиционного эмпиризма XVII-XVIII вв. Там даже не возникла бы и мысль освободить содержание науки от чего-то, что к науке не относится. Если человек верит в копирование, в отображение чувственной действительности, чувственных данных, чувственно-данной действительности,

то, в таком случае, уже по определению, в науке не может быть ничего, чего бы к ней не относилось [2].

Нельзя отделить материал нечувствительный от чувственного. В самом чувственном может быть что-то ошибочное, что-то истинное. Поэтому, когда позитивисты ставили своей задачей вычленив чисто чувственный материал науки, они понимали, отдавали себе отчет в том, что в науке есть не только чувственный материал. Если вычленив из науки все, что относится к разуму, тогда мы получим настоящее, истинное, фундаментальное чувственное содержание науки.

Неокантианцы поставили перед собой противоположную задачу — подчеркнуть активную, творческую, конструирующую роль разума в науке. Именно в конструирующей способности нашего разума неокантианцы усматривали основу научного знания, да и знания вообще.

Таким образом, объект исследования, что для позитивизма, что для неокантианства, один и тот же, а установки противоположные, различные, естественно, и результаты, согласно этому, тоже противоположны.

В исследовании конструктивной деятельности разума неокантианцы пошли дальше Канта. Если для Канта обнаружение активности разума в процессе познания является аргументом против самого разума, аргументом критики разума, отсюда и название работ Канта "Критика чистого разума", "Критика практического разума", "Критика способности суждения", если для Канта это отрицание возможности познать мир таким, какой он есть, "вещь в себе", то неокантианцы отвергают саму постановку вопроса о "вещи в себе" как метафизический предрассудок. Нужно все-таки подчеркнуть, что Кант еще живет в нормативной атмосфере созерцательной концепции познания. Он, можно сказать, очень хотел бы, чтобы можно было скопировать эту самую объективную действительность, но, к сожалению, с его точки зрения, это не получается и получиться не может. Отсюда его "Критика разума" и отсюда — "Вещь в себе".

"Вещь в себе" Канта — это и остаток созерцательной концепции познания, и признание ограниченности познающего разума, и границы возможностей этого разума.

Неокантианцы, которые утверждают, что "вещь в себе" является метафизическим предрассудком, становятся последовательными идеалистами, вырастающими из критицизма Канта. Их рациональный, сциентистский критицизм есть результат, выросший на достаточно рациональной основе, на основе того, что познание как копирование не существует. Кантовская "вещь в себе" как нечто данное, объективно существующее не независимо от субъекта, для философии и методологии конца XIX - начала XX в. — вещь бессмысленная, не для философии, а для науки. Вот эта идея и выражена в неокантианстве [3].

Неокантианство преодолевает двойственность, свойственную Канту. Благодаря этому то, что у Канта было лишь средством критики разума, претензии разума на познание "вещи в себе", у неокантианцев превратилось в главную цель. Они специально исследуют конструктивную деятельность разума в науке. Они пытаются выяснить все возможности этой деятельности, отсюда

возникает парадоксальная ситуация. В плане конкретных результатов изучения деятельности человеческого мышления неокантианцы достигли немалых успехов и зафиксировали ряд действительно важных моментов в механизме исследовательской работы ученых-теоретиков [4].

Такое понимание задач философии встречается уже у Ланге, в его критике марксизма, а точнее, теории научного коммунизма. Последовательное проведение Марксом мысли, высказанной еще в работе "К критике гегелевской философии права. Введение" о том, что точно так же, как пролетариат находит в философии свое духовное оружие, так и философия находит в пролетариате материальное оружие, явно не устраивало неокантианцев, тем более, когда философия объявлялась основой политических программ, основой непосредственной практической деятельности и т.д. В этом и есть источник тех крайностей, по мнению Ланге, которые содержит марксизм.

Анализируя историю материализма, Ланге пришел к выводу о том, что нужно ограничить философию задачами исследования мышления и его форм, не превращать философию в основу политической деятельности. Отсюда философия — не мировоззрение. Говоря современным языком, философия — не идеология [5].

Но наиболее существенной причиной, которая заставила неокантианство оформиться в целостную конструкцию, концепцию, является сциентификация всех областей жизни и мышления, явно проявившаяся в конце XIX века. В этом плане наиболее интересным представителем неокантианства является Герман Коген. Возьмем небольшую, но наиболее важную для данной задачи работу Г. Когена "Принципы метода бесконечно малых". Хотя нужно оговориться, что, разведя методологию и социологию по разным углам, необходимо помнить о том, что обращение к методологии научного познания как к главному предмету философствования, возможно, наверное, тогда, когда социальная роль науки стала чрезвычайно значимой [6]. Когда наука становится чрезвычайно важным элементом в жизни общества, когда она превращается в большую науку, когда она срачивается с производством, политикой, военным делом, буквально со всем, чем угодно, то оказывается, что изучение методологических проблем науки и в социальном плане делается чрезвычайно важным. Невольно происходит подмена: результаты исследования методологии научного познания, т.е. научного сознания, объявляются особенностями мышления вообще. Вследствие чего происходит догматизация, определенные ступени развития научного познания, науки. В методологическом плане это характерно как раз для многих неокантианцев. Они занимаются наукой достаточно определенного времени — рубежа XIX-XX вв., но рассматривают характеристики научного мышления этого времени как существенные характеристики мышления вообще [7].

Рассмотрим общие черты, определившие неокантианскую методологию, на примере Когена и его работы "Принцип метода бесконечно малых", в которой можно прочесть о том, что на переднем плане должен оставаться конструктивный характер мышления — то, что мир вещей покоится на базе законов. Понимая, что это ведущая мысль идеализма, Коген продолжает

утверждать, что определяющей идеей идеализма является тезис: не существует вещи иначе, чем в мышлении и из мышления [8].

К этому следует добавить, что современный астроном вынужден учитывать так называемые личные уравнения, так как восприятие каждого человека отягощено собственной ошибкой и у каждого человека эта основная ошибка иная, чем у другого. Поэтому оказывается, что каждый астроном, чтобы получить объективные наблюдения, должен ввести поправку, которая формулируется в личном уравнении.

Следовательно, с точки зрения Когена, исходным материалом для философского анализа является не тот, который поставляет обычная чувственность, а такой материал, в котором нашли воплощение многие элементы, вовсе не присущие обыденному мышлению, мышлению естественного человека. Другими словами, в неокантианстве предполагается, что исходный материал философского или научного анализа уже организован в некое интерсубъективное единство. Так, к примеру, чувственные данные, которые анализирует астроном — это не чувственные данные того же Эддингтона, это чувственные данные астронома вообще, астронома как образованного человека, астронома как ученого. В этом смысле астроном как личность исчезает и появляется астроном как элемент научного мышления [9].

Если основанием естествознания, по мнению неокантианцев, служит математика, то аналогом математики для гуманитарных дисциплин, или наук о культуре, о духе — правовая наука. Она может быть охарактеризована как математика наук о духе, прежде всего как математика этики. Если вырвать эту фразу из неокантианского контекста, то, в принципе, очень похоже на идеи Спинозы. Ведь еще Спиноза пытался строить свою этику по образцу геометрии. Когда Коген утверждает, что правовая наука есть математика — наука о духе, здесь проводится та идея, что в основе математики лежит некоторая идеальная конструкция, к примеру, конструкция исходных математических положений: точка, плоскость, прямая, отношение между точкой и плоскостью, плоскостями и прямыми и т.д. Также в правовой науке, по его мнению, все исходит из некоторых теоретических положений. И развертывание схем не отличается от развертывания схем в математике. Подводя итог вышесказанному, можно подчеркнуть, что, в отличие от позитивистов, в особенности, от позитивистов второго поколения, Коген ищет бесспорный базис человеческого знания, но в прямо противоположном направлении. То, что у позитивистов должно получить оправдание путем редукции к чувственным элементам (теоретические положения у позитивистов оправданы только в той мере, в какой могут быть редуцированы к чувственным данным), то у Когена и других неокантианцев вот эта исходная для позитивистов — то, что подлежит оправданию — становится базисом [10].

Рациональные теоретические конструкты не только легализованы в науке, но и определяют структуру того, на что могут быть направлены, к чему могут быть применены схемы научного мышления. Они определяют человеческий мир. Не только объекты математики, астрономии и других наук, но и так называемые реальные объекты являются результатом конструирующей деятельности разума.

Обращаясь к гуманитарным проблемам, Коген пишет, что не в воспринимаемой чувственной единичности и особенности заключается единство человека, а в абстрактном единстве, которое воспроизводит чистейшую действительность.

Таким образом, какую область действительности мы бы не взяли, ее объекты конструируются, согласно мнению Когена и его единомышленников, следующим образом: вначале, построенная на некоторых математических принципах или, лучше сказать, на метаматематических принципах, наука создает идею. К примеру, этика создает некоторую идею, скажем, идею государства, затем, в рамках этой теории, оформляются чувственно-наглядные характеристики и индивидуальные примеры. То есть человек, воспитанный в определенном обществе, в определенных традициях, куда включаются и теоретические образования, воспринимает отдельных людей как граждан государства. К примеру, тот же самый юридический социализм неокантианцев — определенный способ видеть человека как гражданина государства. Такое видение человека уже было представлено в XVII веке, когда, по сути дела, началось складываться гражданское общество. Так, в частности, для Маркса, в начале его философской эволюции, человек — это политический человек, и только впоследствии, у зрелого Маркса, человек становится экономическим человеком.

Литература

1. Коськов С.Н. Конвенционализм и проблемы современной философии науки. Среднерусский Вестник. Орел №3 2009.
2. Коськов С.Н. Субъектно-объектная природа научного познания. М.: МГУ 2007.
3. Коськов С.Н. Лебедев С.А. Конвенционализм как синтез рациональности и антропологичности научного знания. Вестник МГУ – Серия 7, Философия. №5, 2009.
4. Коськов С.Н. Мировоззренческая программа, методологическая программа и развитие эпистемологии. Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. С. 31-37.
5. Коськов С.Н. Конвенции и метафоры. Вестник МГУ, 2009.
6. Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки. Вестник МГУ, Серия 7, Философия, 1991.
7. Лебедев С.А. Философские измерения науки. Новое в психопедагогических исследованиях. №1, 2010.
8. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки. Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7-13.
9. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская эпистемология. Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. № 2. С. 13-34.
10. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Коэволюция моделей науки и мировоззренческих установок. Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 22.

References

1. Koskov S.N. Conventionalism and problems of contemporary philosophy of science. Srednerussky Herald, Orel, №3, 2009.
2. Koskov S.N. Subject-object nature of scientific knowledge - M.: MSU - 2007.
3. Koskov S.N., Lebedev S.A. Conventionalism as a synthesis of anthropological rationality and scientific knowledge. Vestnik MGU - Series 7, philosophy. №5, 2009.
4. Koskov S.N. Worldview program, methodological program and development of epistemology. Srednerussky Gazette of Social Sciences. 2013. № 2. pp 31-37.
5. Koskov S.N. Convention and metaphors. Bulletin of the Moscow State University, 2009.
6. Koskov S.N. Complementarity semantic conventions and metaphors in the language of science. Vestnik MGU, Series 7, Philosophy, 1991.
7. Lebedev S.A. Philosophical dimension of science. New in the psycho-pedagogical research. №1, 2010.
8. Lebedev S.A., Koskov S.N. Convention and the consensus in the context of contemporary philosophy of science. New in psychological and educational research. 2014. № 1. S. 7-13.
9. Lebedev S.A., Koskov S.N. Conventionalist epistemology. Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. 2013. № 2. pp 13-34.
10. Lebedev S.A., Koskov S.N. Co-evolution models of science and attitudes. New in psychological and educational research. 2013. № 4. S. 22.